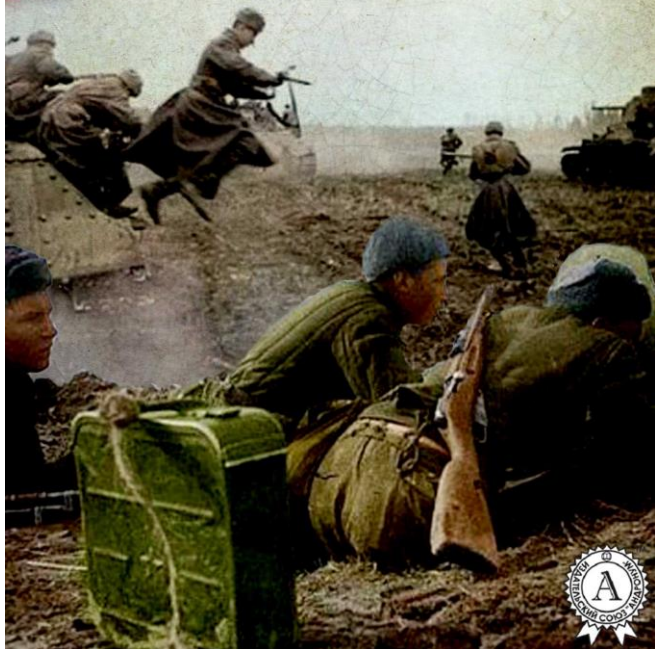

КРАПОВЫЕ БЕРЕТЫ

АЛЕКСЕЙ
ЕВДОКИМОВ

ЗА НАМИ МОСКВА

БОЕВАЯ
РАБОТА

Краповые береты... Это элита спецназа России. А как создавались эти войска? Где и как рождались их традиции: стойкость, мужество, верность долгу, героизм? Повесть «За нами Москва» из серии «Краповые береты» посвящена истории внутренних войск МВД России. Сюжет повести основан на реальных событиях, происходивших в период Великой Отечественной войны во время битвы за Москву зимой тысяча девятьсот сорок первого года.

Алексей Евдокимов ЗА НАМИ МОСКВА

ВАРШАВА. СУЛЕЮВЕК

Шеф немецкой военной разведки «Абвер» адмирал Вильгельм Канарис встречал новый тысяча девятьсот сорок первый год не в Берлине среди родных и коллег, а в маленьком польском городке Сулеювек близ Варшавы у самой восточной границы «тысячелетнего рейха». Покрытые рождественским инеем дубы и сосны надежно укрывали от посторонних глаз несколько десятков одноэтажных кирпичных домиков, разбросанных на опушке густого леса. Здесь размещалось одно из подразделений «Абвера» — штаб «Валли», ответственное за организацию диверсионных операций против пока еще мирного и дружественного соседа «рейха» — Советского Союза. Необходимость в этом визите возникла после прошедшего тридцатого декабря совещания в Ставке верховного главнокомандующего немецкими вооруженными силами Адольфа Гитлера, на котором присутствовал Канарис. На совещании обсуждался ход подготовки к операции против СССР, и Гитлер высказал свое неудовольствие, тем, что на главном

стратегическом направлении операции — московском, пока еще не создано сильное диверсионное подразделение, способное наносить сокрушительные удары в глубоком тылу противника. Канарис молча выслушал адресованные ему упреки и, вернувшись на Тирпицуферштрассе в здание главного штаба «Абвера», приказал подготовить на следующее утро самолет. Он решил лично вылететь в Варшаву и проверить, как идут дела в недавно созданном штабе «Валли», призванном вести диверсионную работу против советских войск, противостоящих группе армий «Центр».

На заснеженном аэродроме близ Варшавы его встречали: заместитель руководителя второго управления «Абвера», отвечающего за организацию диверсий и саботажа, полковник Штольце и руководитель штаба «Валли» подполковник Шмальцшлегер. Вскоре вереница автомобилей в сопровождении бронетранспортера с автоматчиками остановилась перед высокими железными воротами, на которых виднелась надпись: «Внимание! Посторонним вход запрещен. Особо охраняемый объект». За воротами Канарис увидел вереницу небольших одноэтажных домиков и выстроившиеся на плацу стройные шеренги солдат, одетых в темно-зеленую униформу. Канарис слегка поморщился. Он не любил парады и

торжества, но, взглянув на своих спутников, решил изменить себе и приказал шоферу остановиться на плацу около шеренг. «Небольшой урок патриотизма сейчас не помешает! Трудно сказать, что ждет нас впереди на бескрайних просторах России...» — подумал он, вылезая из машины. В сопровождении Штольце и Шмальцшлегера он обошел строй солдат и, остановившись около украшенного свастикой знамени, громко сказал: «Солдаты!.. От лица фюрера и верховного командования я выражаю уверенность в том, что вы с честью выполните свой долг в будущей войне против России. От каждого из вас зависит цена нашей победы. И я надеюсь, что ваше мужество, смелость и вера в идеалы великой Германии дадут вам силы, чтобы преодолеть все препятствия на вашем победоносном пути»!

После обильного с хорошим коньяком и рождественским поросенком ужина Канарис, Штольце и Шмальцшлегер уединились в комнате для совещаний, расположенной в подвале одного из домиков штаба. Канарис давно заметил на лицах Штольце и Шмальцшлегера тревогу, вызванную столь неожиданным визитом руководителя «Абвера», но верный своему правилу, держать подчиненных в неведении пока это, возможно, объяснил причину своего визита только сейчас.

— Вчера вечером, в это же время, я

присутствовал на совещании у фюрера... — начал он свою речь, когда они втроем уселись в кресла, около заваленного картами и схемами стола. — Обсуждался вопрос подготовки к компании против России, и фюрер посчитал, что мы уделяем недостаточно внимания обеспечению действий сухопутных войск на московском направлении.

Начальник штаба «Валли» подполковник Шмальцшлегер нахмурился и передвинулся всем своим большим и грузным телом на краешек кресла. Полная противоположность Шмальцшлегера, худой и подвижный полковник Штольце хотел что-то возразить Канарису, но тот остановил его жестом руки.

— Господа, я знаю, что вы хотите мне сказать... — продолжил Канарис. — В целом наш план организации диверсий в тылу советских войск удовлетворил фюрера, но он внес в него ряд корректив и дополнений... — Канарис сделал паузу. — И вот о них я и хочу с вами поговорить. — спустя секунду закончил он свою фразу.

Канарис вытащил из портфеля и расстелил на столе большую карту Москвы. Штольце и Шмальцшлегер склонились над ней. На карте синими и красными кружками были обозначены: Кремль, несколько зданий на Старой площади и на улице Горького, а также Химкинское

водохранилище и мосты через Москву реку. Показав на кружки рукой, Канарис пояснил:

— Фюрер хочет, чтобы перед захватом Москвы мы провели бы в ней операции аналогичные тем, что были успешно выполнены в прошлом году в Голландии.

Штольце и Шмальцшлегер переглянулись. Затем Штольце осторожно спросил.

— Захват ключевых объектов города?...

— Да... — утвердительно ответил Канарис. — Наши диверсионные подразделения должны захватить важнейшие объекты Москвы, включая правительственные здания. Это приведет к дезорганизации обороны города и значительно облегчит его захват. Необходимо также уничтожить руководителей обороны, включая военных и гражданских лиц.

— Но Москва, это не Гаага и не Роттердам?! — попробовал возразить Шмальцшлегер, внимательно рассматривая нанесенные на карту обозначения. — В Голландии успешно действовала наша агентура, указывая парашютным десантам места выброски. Захват объектов в Гааге и Роттердаме проводился в первые часы войны, когда оборона этих городов еще не была организована. А штурм Москвы согласно плану «Барбаросса» будет не ранее чем через два месяца после начала боевых действий. К этому

времени все объекты города будут тщательно охраняться воинскими частями. В Москве расквартирована дивизия имени Дзержинского, которую считают одной из лучших в войсках наркомата внутренних дел. У наших диверсантов очень мало шансов добиться успеха.

Канарис недовольно скривил уголки губ.

— Приблизительно тоже самое я заявил на совещании фюреру... — сказал он. — Но после триумфа во Франции тот не считает Россию сильным противником. По его мнению, необходимо нанести по ней всего один сокрушительный удар, и она встанет перед Германией на колени. Фюрер считает, что к моменту штурма Москвы армия и руководство этой страны будут настолько дезорганизованы, что оказать сколько-нибудь значимое сопротивление уже не смогут. Но он не хочет повторения Варшавы, когда пришлось две недели с большими потерями штурмовать окруженную столицу Польши. Фюрер настаивает, чтобы военная компания против России закончилась до наступления осени.

Штольце и Шмальцшлегер с пониманием кивнули головами. Канарис еще раз прошелся взглядом по карте и затем требовательно произнес.

— Необходимо приступить к подготовке диверсионных групп, нацеленных непосредственно на Москву, уже сейчас. — Канарис повернул голову

к Шмальцшлегеру. — Вы подполковник подберите для них людей и экипировку. Как только группы будут сформированы, приступайте к изучению города и объектов, на которых будут осуществляться диверсии. Вы Штольце... — Канарис повернулся к заместителю руководителя второго управления «Абвера». — Свяжитесь с нашим военным атташе в Москве полковником Шмитом. Поручите ему собрать всю возможную информацию об объектах, нанесенных на эту карту. Пусть выяснит, как они охраняются, и соберет информацию о дивизии имени Дзержинского. Ее подразделения станут для нас основным противником.

Канарис встал с кресла. Вслед за ним встали Штольце и Шмальцшлегер.

— За работу господа! — чуть повысив голос, сказал Канарис. — У нас на счету каждый день. До нападения на Россию осталось совсем немного времени...

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Первомайский военный парад на Красной площади тысяча девятьсот сорок первого года почти ничем не отличался от своих предшественников. Такая же вымытая до зеркального блеска булыжная мостовая, такие же

замершие вдоль ГУМа краснознаменные колонны войск, такие же вытянутые по всей улице Горького темно-зеленые цепочки боевой техники, такое же море людских голов на гостевой трибуне. Но даже человеку, попавшему на парад впервые, казалось, что торжественная обстановка, царившая на площади, была какой-то неестественной. Озабоченные, напряженные лица генералов и маршалов, натянутость улыбок на лицах членов правительства, скупые фразы торжественного приветствия, зачитанного наркомом обороны, вселяли в души всех собравшихся на украшенных цветами и транспарантами трибунах какую-то смутную, необъяснимую тревогу.

Пожалуй, единственным человеком, понимавшим истинную причину этой тревоги, был военный атташе при дипломатическом представительстве фашистской Германии в СССР полковник Отто фон Шмит. Высокий и представительный, он был затянут в серо-зеленый парадный мундир, увешанный многочисленными крестами и медалями. Шмит, как и другие сотрудники немецкого посольства, тоже получил приглашение на праздник и сейчас, направив объектив фотоаппарата на проходившие мимо Мавзолея колонны войск, пытался угадать среди них сводный полк особой мотострелковой дивизии имени Дзержинского. Интерес Шмита именно к

этой дивизии был вызван радиограммой, полученной им три месяца назад из штаб-квартиры «Абвера». Радиограмма была подписана лично адмиралом Канарисом и содержала в себе приказ нацелить все силы атташата на получение информации о важнейших стратегических объектах Москвы. К их числу относились: Кремль, резиденции членов правительства и руководства правящей коммунистической партии, здания в которых размещались органы власти и силовые структуры, объекты, поддерживающие жизнедеятельность города — мосты, электростанции, источники водоснабжения. За прошедшие три месяца Шмит и его сотрудники смогли узнать очень многое. Была проведена тщательная фотосъемка всего, что интересовало «Абвер», благо во исполнение мирного договора между Германией и СССР, советские спецслужбы не чинили никаких препятствий дипломатам «рейха».

Особый интерес у Шмита и затем в Берлине вызвало Химкинское водохранилище, на тот момент единственный источник питьевой воды многомиллионного города. Организация диверсий на этих объектах, по мнению Шмита, была вполне возможна, если бы не одно «но»... Которое заключалось в том, что эти объекты всегда тщательно охранялись. В мирное время

сотрудниками вневедомственной охраны и народного комиссариата внутренних дел. А в случае начала войны их охрана, скорее всего, будет поручена подразделениям войск НКВД и, в первую очередь, располагавшейся в подмосковном городе Балашиха отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Дзержинского. В полученной Шмитом радиограмме приказывалось собрать всю возможную информации о местах дислокации, личном составе и боевой подготовке этой дивизии. А приехавший в Москву несколько дней назад личный эмиссар Канариса предложил подготовить и провести вербовку одного из военнослужащих дивизии, чтобы использовать его в дальнейшем для организации диверсий и саботажа в Москве. Сейчас личный представитель Канариса стоял рядом со Шмитом и, так же, как и он, пристально всматривался в проходившие мимо колонны войск и боевой техники.

Наконец, диктор объявил о начале марша сводного полка отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Феликса Эдмундовича Дзержинского. Оба немецких дипломата торопливо защелкали фотоаппаратами, стараясь запечатлеть на фотопленке, как можно больше лиц из проплывающих мимо шеренг со, взятыми на перевес, винтовками. Когда парад закончился, Шмит и эмиссар Канариса направились к своей

машине, ожидающей их на стоянке у гостиницы «Метрополь». Приветливо улыбаясь идущим на демонстрацию москвичам, они сели в серебристый «Мерседес». Выезжая на улицу Горького «Мерседес» притормозил, пропуская вперед троллейбусы и поливальные машины и затем, полоща на ветру флажки со свастикой, помчался в сторону Садового кольца. Вслед за ним со стоянки устремилась еще одна покрытая пылью машина.

ЛУБЯНСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ЗДАНИЕ НКВД

На столе усталого человека в форме майора НКВД зазвонил телефон. Человек оторвал взгляд от лежащих перед ним документов. Несколько секунд он смотрел на черную подрагивающую трубку телефонного аппарата и затем поднес ее к уху.

— «Майор Копылов у аппарата!» — твердым с хрипотцой голосом сказал он.

То, что он услышал из трубки, заставило черты его лица напрячься и посуроветь.

— «Так точно товарищ комиссар... понимаю... — приглушив голос, ответил он своему собеседнику. — Я хорошо понимаю всю меру своей ответственности».

Несколько секунд в трубке гремел чей-то громкий сердитый голос.

— «Да, товарищ комиссар, я понимаю, что нельзя допускать инцидентов с немецкими дипломатами... — снова заговорил майор. — Да, я знаю категорический приказ, товарища Берии... Я не поддаюсь на провокации, товарищ комиссар! Я вчера вам докладывал о прибытии из Берлина майора Рихарда Лемке. После его приезда все сотрудники немецкого военного атташе резко активизировались. Разъезжают по Москве и, почти не скрываясь, фотографируют наши стратегические объекты. Извините, но я сомневаюсь, что на память... Зачем им понадобилось фотографировать здания Мосэнерго на Садовнической, и газового завода на Плющихе? А сегодня один из немецких дипломатов был замечен в Лефортово, где находятся казармы дивизии имени Дзержинского. Все это, товарищ комиссар, наводит на серьезные размышления...»

Майор замолчал, и по его лицу было видно, что тон его собеседника заметно изменился. Наконец, майор отрывисто бросил в трубку.

— «Слушаюсь, товарищ комиссар! Есть подготовить доклад сегодня к вечеру...»

Майор положил трубку на рычаги телефонного аппарата и тыльной стороной ладони вытер капельки выступившего на лбу пота.

ЛЕФОРТОВО. ВОЕННЫЕ КАЗАРМЫ

— Сидите спокойно, господин полковник, расслабьтесь... — на губах майора Рихарда Лемке промелькнуло подобие улыбки. Этот, крепкого телосложения, высокий молодой человек с голубыми глазами и аккуратным пробором на черных как смоль волосах сидел за рулем помятой легковой машины «М-1» советского производства и, с нескрываемой издевкой, рассматривал бледное лицо сидящего на заднем сиденье полковника Отто фон Шмита.

— Послушайте, майор, зачем нам понадобился весь этот маскарад... — спросил тихим голосом Шмит, растерянно озираясь вокруг. Военный атташе был одет в старый габардиновый костюм неопределенного цвета и мятую фетровую шляпу, покрытую перхотью и пятнами грязи. «Эмка» стояла в пустом, темном дворе, заваленном мусором, кипами порванных газет и битой стеклянной посудой. — Я, конечно, понимаю, что вы имеете неограниченные полномочия от адмирала... — продолжил Шмит. — Но я старше вас по званию и подвергать меня опасности вы все же не имеете права. Вы представляете, что будет, если чекисты найдут нас здесь? Мы переодеты в каких-то бродяг. У нас поддельные документы. Они просто поставят нас к вон той стенке, и никто и никогда не узнает, как мы погибли.

Лемке снисходительно усмехнулся.

— Ничего не поделаешь, господин полковник, наша профессия неизбежно связана с риском.

Лемке закурил сигарету и, открыв форточку бокового стека, стряхнул туда сизый столбик пепла. Выпустив струйку дыма перед собой, он окурком сигареты указал на два темных окна, стоящего напротив машины дома. Окна находились в самом центре здания на втором этаже.

— Это офицерское общежитие одного из полков дивизии Дзержинского. — пояснил свой жест Лемке. — По нашим сведениям два темных окна — это комната лейтенанта Свиридова, командира взвода. Он совсем недавно окончил военное училище.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Шмит. — Какое отношение этот Свиридов имеет к нашему визиту сюда?

— Прямое и непосредственное... — ответил Лемке. — Его отец, полковник Свиридов, проходил по делу Тухачевского. Был осужден и расстрелян. Но его сын про это не знает. То есть про арест он знает, но что его отец мертв нет.

— И вы надеетесь этим фактом заставить его работать на нас? — скептически взглянув на Лемке, спросил Шмит.

Тот отрицательно покачал головой.

— Нет, полковник, не надеюсь. — ответил

он. — Я лишь строго придерживаюсь плана, разработанного лично адмиралом Канарисом. У меня в кармане письмо, написанное отцом лейтенанта Свиридова. Вернее, очень хорошая подделка, изготовленная нашими специалистами в Берлине. В нем он пишет, что жив и, чтобы избежать расстрела, вынужден бежать в Германию. Далее он советует сыну согласиться на предложение работать на немецкий «рейх». Когда в тех окнах зажжется свет, я пойду к Свиридову и покажу ему это письмо.

— Он не согласится... — с категорической интонацией в голосе возразил Шмит. — На ваше предложение он ответит отказом. Я знаю таких людей. Это фанатики. Они твердо верят в непогрешимость своего вождя — Сталина и прощают ему любые жертвы. Вы провалитесь сами и вдобавок провалите меня.

В глазах Лемке снова засветились искорки снисходительного превосходства.

— Вам господин полковник не стоит так переживать об этом. — затягиваясь сигаретой, сказал он. — Ваша работа в России все равно скоро закончится. В конце следующего месяца или чуть позже. К тому же я не собираюсь вербовать лейтенанта Свиридова.

Лемке перехватил удивленный взгляд Шмита.

— Я лишь собираюсь имитировать неудачную

вербовку... — продолжил он. — Лейтенант Свиридов, прочитав письмо отца, застрелится.

Шмит с недоумением пожал плечами.

— Зачем вам это?... — спросил он.

— Спросите об этом лучше адмирала. — ответил Лемке. — Это его план. Я всего лишь исполнитель. Но учтите, что адмирал мастер вербовки. Вы помните знаменитую Мату Хари? Ведь именно он заставил ее работать на себя.

Увидев, как в окнах квартиры Свиридова зажегся свет, Лемке выбросил окурки сигареты в окно, открыл дверцу автомашины и выбрался наружу.

— Как только увидите, что свет в окнах погас, заведите двигатель, а то он успел остыть. — попросил Лемке Шмита.

Спустя четверть часа, окна квартиры лейтенанта Свиридова снова стали темными.

МОСКВА. ПЕТРОВКА 38

«Народный комиссариат
внутренних дел СССР

Московский уголовный розыск

Из материалов уголовного дела

№ Ф567-76-41

«Тело лейтенанта Свиридова

А.А. было обнаружено 5 мая 1941 года в 21 час 22 минуты его товарищем старшим лейтенантом Гольдбергом М.Е., проживающем в том же общежитии, что и покойный в соседней с ним комнате. Согласно заключению судмедэкспертизы, признаков насильственной смерти на трупе не обнаружено. Смерть потерпевшего наступила приблизительно в 21 час 10 минут. Тело лейтенанта Свиридова лежало на диване. В руке был зажат револьвер системы «Наган». В барабане револьвера не хватает одного патрона. Свиридов скончался от огнестрельного ранения в голову. На столе было найдено письмо, в котором отец покойного советовал ему согласиться на сотрудничество с немецкой разведкой. При обыске комнаты Свиридова были обнаружены следы неизвестного мужчины. Служебно-розыскная собака прошла по следу до пустыря перед зданием общежития. Далее след был потерян. Из опроса свидетелей было выяснено, что на пустыре вечером в день самоубийства Свиридова около часа стояла легковая

автомашина «М-1». Номерной знак машины установить не удалось. Звук выстрела никто из, проживающих в общежитии, не слышал. Старший лейтенант Гольдберг зашел к Свиридову, чтобы пригласить его сходить вместе с ним в парк имени Горького. По предварительному заключению следствия лейтенант Свиридов покончил с собой, не перенеся известия о предательстве своего отца, которого он очень любил и уважал. Похороны лейтенанта Свиридова назначены на 10 мая 1941 года».

ЛУБЯНСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ЗДАНИЕ НКВД

— Докладывайте, товарищ майор! Только покороче. Через полчаса я должен идти к наркому... — приказал комиссар государственной безопасности и перевел взгляд на висящие на стене кабинета часы. Было половина первого ночи. Майор Копылов пригладил ладонью на голове ежик седых волос и раскрыл перед собой журнал сводок наружного наблюдения. Окинув взглядом грузную фигуру комиссара и его сумрачное, утомленное

лицо, Копылов откашлялся и, глядя комиссару прямо в глаза, с нажимом в голосе произнес.

— Товарищ комиссар, анализ информации, которой мы располагаем, позволяет сделать однозначный вывод. Руководство фашистской Германии готовит нападение на СССР!

Копылов сделал паузу, пытаясь понять, какое впечатление его слова произвели на комиссара. Лицо комиссара ничего не выражало и лишь его глаза из-под нависших бровей жестко и холодно смотрели на него.

— Продолжайте... — почти не раскрывая рта, сказал комиссар.

Копылов продолжил.

— Как я вам уже докладывал, в последнее время сотрудники немецкого военного атташе пристально изучают наиболее важные объекты на территории Москвы. Проводится их фотосъемка. Пролетающие над городом самолеты «Люфтганзы» вроде бы случайно отклоняются от заданного курса и оказываются над стратегическими объектами города. Первоначально мы считали, что это делается в интересах немецкой авиации для нанесения возможных бомбовых ударов, но последняя полученная нами информация позволяет сделать вывод, что у немецкого военного командования более широкие планы. Немецкие дипломаты стали активно интересоваться, как

организована охрана объектов. Нами зафиксированы случаи попыток вербовки отдельных военнослужащих, несущих на них службу. Это однозначно говорит о том, что планируется, либо захват этих объектов, либо диверсии на них. Все перечисленные мною факты могут означать только одно — Германия готовит полномасштабную агрессию против СССР...

— Кого и когда пытались вербовать? — спросил комиссар.

— Сегодня в своей квартире в Лефортово найден труп лейтенанта Свиридова, военнослужащего одного из полков отдельной мотострелковой дивизии особого назначения. По заключению медиков — лейтенант покончил с собой. На столе найдено письмо его отца, в котором он призывает сына, согласится на сотрудничество с немецкой разведкой. Письмо — явная подделка. Написано оно сравнительно недавно, несколько месяцев назад, а по нашим данным отец Свиридова был расстрелян по делу Тухачевского еще в тысяча девятьсот тридцать восьмом году.

— Понятно... — комиссар кивнул головой. — А какие еще случаи вербовки были зафиксированы?

— Вчера наши сотрудники, ведущие наблюдение за одним из немецких дипломатов, зафиксировали его беседу с младшим сержантом другого полка ОМСДОН. Его фамилия —

Кондратюк. По национальности — украинец. Родился на Западной Украине. Был призван в конце прошлого года. По нашим данным некоторые из его родственников в тысяча девятьсот тридцать девятом году были репрессированы.

— Он доложил своему командованию о состоявшемся разговоре? — поинтересовался комиссар.

— В том-то и дело, что нет... — ответил Копылов. — Я приказал установить за ним наблюдение.

— Правильно... — согласился комиссар. — Посмотрим, что он будет делать дальше.

Комиссар посмотрел на часы и, увидев, что короткая стрелка вплотную приблизилась к единице, встал.

— Вот что я тебе скажу, Сергей Николаевич... — перейдя вдруг с официального на дружеский тон, сказал он Копылову. — То, что война с немцами не за горами, сейчас понятно любому трезвомыслящему человеку. Но на самом верху... — комиссар указал глазами на потолок кабинета. — Этого понять почему-то не хотят. Почему?... Не спрашивай. Все равно не отвечу. Поэтому все, о чем мы с тобой здесь говорили, должно остаться между нами. Но от себя лично приказываю — держать порох сухим! Войны с Германией нам, так или иначе, не избежать и как

только она начнется безопасность Москвы встанет на первый план. И вот тогда информация, которую ты собрал, обязательно пригодится.

— Слушаюсь! — встав по стойке «смирно», ответил Копылов.

БЕРЛИН. ШТАБ-КВАРТИРА «АБВЕР»

Радиограмма... 6 мая 1941 года
«Совершенно секретно! Лично
адмиралу Канарису...

Согласно Вашему приказу сотрудниками военного атташата посольства была проведена вербовка одного из военнослужащих ОМСДОН. Завербованному присвоена кличка «Троян». Агент «Троян» законсервирован. Его активизация будет произведена после начала конфликта между Россией и Германией. Чтобы замаскировать вербовку агента «Троян» была проведена операция прикрытия. В процессе проведения операции прикрытия органы советской контрразведки получили информацию о двух кандидатах в агенты. Один из них ликвидирован.

*Военный атташе
полковник Отто фон Шмит»*

МОСКВА. КРЕМЛЬ

Из выступления В.М. Молотова по радио 22 июня 1941 года...

«Сегодня двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года в четыре часа утра без объявления войны фашистская Германия напала на Советский Союз...»

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ. БРАНДЕНБУРГ

Учебный лагерь разведывательно-диверсионного подразделения «Абвера» — восьмисотого учебного полка особого назначения «Бранденбург» находился недалеко от одноименного прусского города, по названию которого полк и получил свое обозначение. Лагерь был оборудован по последнему слову техники и включал в себя: аэродром, парашютную вышку,

полосу препятствий и стрелковый тир. Особое место в подготовке разведчиков-диверсантов занимало подрывное дело, и, поэтому недалеко от лагеря был оборудован полигон, на котором днем и ночью, в любую погоду гремели взрывы, и полыхала яркие языки пламени. Солдаты «Бранденбурга», помимо постоянной лингвистической практики, осваивали: прыжки с парашютом, рукопашный бой, работу с картой, взрывное дело, маскировку на местности, тактику боя в одиночку и малыми группами, навыки изготовления фальшивых документов, тактику засад, доскональное изучение своего и трофейного стрелкового оружия и многое другое. Полком командовал полковник Пауль Хелинг фон Ланценауер — ветеран первой мировой войны, получивший опыт диверсионных операций еще в период колониальных войн старой кайзеровской Германии.

К началу осени тысяча девятьсот сорок первого года на территории учебного лагеря было возведено несколько кирпичных домов, напоминающих типичные московские постройки. Немецкие диверсанты учились их штурмовать, используя альпинистское снаряжение и приставные лестницы. В конце сентября ожидался приезд в лагерь главы «Абвера» адмирала Канариса. Канарис приехал как всегда неожиданно. Поздно ночью на

аэродроме приземлился штабной самолет, доставивший адмирала из Берлина. Выслушав доклад полковника Ланценауера, Канарис отменил общее построение полка и попросил его вызвать командира специальной группы диверсантов, которые готовились к операциям на территории Москвы.

— Кто у вас возглавляет это подразделение? — спросил Канарис.

— Майор Рихард Лемке... — ответил Ланценауер.

— Подготовка группы завершена? — поинтересовался Канарис.

— Да, адмирал... — последовал ответ Ланценауера. — Люди Лемке прошли усиленную подготовку ведения боя в городских условиях, хорошо изучили Москву по картам и фотографиям. Мы нашли в одном из концлагерей русского специалиста по подземным коммуникациям Москвы. Он нарисовал подробную схему их расположения и рассказал, как лучше пройти по ним в ту или иную часть города.

Канарис удовлетворенно кивнул головой.

— Я хочу поговорить с майором Лемке с глазу на глаз...

Ланценауер вытянулся по стойке «смирно».

— Пожалуйста, господин адмирал. Мой кабинет в вашем расположении.

Расположившись в кресле в кабинете Ланценауера, Канарис положил перед собой портфель, открыл его и вытащил запечатанный сургучными печатями ярко-красный конверт. Спустя минуту, в дверь постучали и после слов адмирала: «Войдите!», на пороге комнаты появился, одетый в пятнистый комбинезон, широкоплечий человек с надменным, волевым лицом и черными как смоль волосами.

Человек строевым шагом подошел к креслу, в котором сидел Канарис и, вытянув руки по швам, доложил:

— Господин адмирал, майор Лемке по вашему приказанию прибыл!

Канарис приподнял голову и снизу-вверх внимательно посмотрел на майора. Он знал Лемке давно, уже несколько лет. С тех пор как в тысяча девятьсот тридцать восьмом году тот еще молодым лейтенантом переступил порог штаб-квартиры «Абвера» на Тирпицуферштрассе в Берлине. И вот теперь майор должен был выполнить задание, от результатов которого, по мнению не только главы «Абвера», но и самого фюрера во многом будет зависеть исход военной компании в России. Канарис указал Лемке на стоящее рядом кресло.

— Здравствуйтесь майор, садитесь, рад вас видеть в полном здравии! — поприветствовал его он.

Лемке сел и выжидательно посмотрел на адмирала. Канарис начал беседу не сразу. Несколько томительных минут он о чем-то размышлял и затем, остановив свой взгляд на Лемке, спросил его:

— Как вы считаете майор, зачем я вас вызвал?

Лемке пожал плечами.

— На фронте сейчас затишье... — неуверенно ответил он. — Наступление на Москву отложено, и все силы вермахта брошены на юг и на север, на захват Донбасса и Ленинграда.

Канарис согласно кивнул.

— Вы правы майор... — ответил он. — В данный момент положение на фронте именно такое. — Канарис сделал паузу и затем, указав глазами на лежащий на его коленях ярко-красный конверт, добавил. — Но через две недели ситуация кардинально изменится. Сегодня в ставке верховного командования вермахта подписан приказ о проведении операции «Тайфун» по захвату столицы России. Ваше время майор, наконец, пришло... — Канарис протянул Лемке конверт. — Возьмите этот конверт майор. Внимательно прочтите все инструкции и через неделю будьте готовы начать действовать.

ИЗ СВОДКИ СОВИНФОРМБЮРО

3 октября 1941 года.

«Тридцатого сентября тысяча девятьсот сорок первого года немецко-фашистские войска прорвали оборону Западного фронта. После тяжелых продолжительных боев советскими войсками отставлены города: Брянск, Орел, Гжатск...»

ЛЕФОРТОВО. ВОЕННЫЕ КАЗАРМЫ

— «Рота подъем!..» — громкий как выстрел голос прозвучал в ночной темноте спящей казармы. На мгновение его эхо застыло в воздухе и затем потонуло в многоголосом шуме десятков людей, спешащих к выходу из заставленного двух-ярусными металлическими кроватями зала. На ходу, застегивая гимнастерки и одевая шинели, солдаты бурным потоком скатывались по лестнице в холл здания и здесь строились в шеренги взводов и отделений.

— «Рота смирно!..» — скомандовал тот же голос. Шеренги замерли. Лица солдат напряглись. В холле повисла тишина, и стало слышно, как у подъезда казармы глухо урчали холостыми оборотами двигателя грузовиков. Перед строем

остановился невысокий затянутый в серую шинель старший лейтенант. Поправив на боку кобуру с пистолетом и полевую сумку, он строгим взглядом скользнул по солдатским лицами, и, сняв с головы фуражку с синим околышем, сказал:

— «Товарищи красноармейцы!.. — старший лейтенант вытащил из полевой сумки сложенный лист бумаги и развернул его. — Сегодня девятнадцатого октября тысяча девятьсот сорок первого года... — начал читать он текст, написанный на листе. — Государственным Комитетом Обороны принято постановление о введении в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения с целью ликвидации паники и мобилизации усилий войск и населения столицы на отпор врагу. В постановлении сказано... — старший лейтенант сделал паузу, — нарушителей порядка... — повысив голос, продолжил читать он, — немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте...»

Закончив чтение, старший лейтенант положил лист в полевую сумку и, надевая фуражку, сказал:

— «По приказу военного коменданта города Москвы наша рота будет нести охрану Химкинского водохранилища и прилегающей к

нему территории. Личному составу роты приказываю получить оружие и боеприпасы. Командирам взводов доложить о готовности к маршу».

Спустя десять минут пять грузовиков один за другим выехали с территории казармы. Проехав мимо толпы возбужденных людей, осаждавших Курский вокзал, они обогнули центр Москвы по забитому автотранспортом и пешеходами Садовому кольцу и мимо Ходынского поля выехали на Ленинградское шоссе.

СМОЛЕНСК. АЭРОДРОМ ЛЮФТВАФФЕ

Тяжелый трех моторный «Юнкерс-52», прогревая укутанные чехлами моторы, готовился к вылету с занесенного утренней поземкой аэродрома. Холодная погода осенью сорок первого года наступила уже в середине октября. Деревья быстро потеряли редкую пожелтевшую листву, а трава по утрам покрывалась налетом бело-голубого инея. Около самолета, на сложенных на земле мешках и баулах, сидело полтора десятка человек, одетых в пятнистые — белые с серым комбинезоны и затянутые в лямки, висевших за спиной, парашютов. По внешнему виду и манере поведения это были типичные военные, но погоны или иные